

Содержание

<i>От редакции оригинального издания</i>	5
I. Парацельс	7
II. Парацельс как врач	29
III. Зигмунд Фрейд как культурно- историческое явление	67
IV. Зигмунд Фрейд	85
V. Памяти Рихарда Вильгельма	103
VI. Об отношении аналитической психологии к поэтическому творчеству	125
VII. Психология и литература	165
Вступление	167
Предисловие	171
1. Произведение	174
2. Автор	199
VIII. «Улисс». Монолог	211
IX. Пикассо	263
<i>Библиография</i>	277

¹ Замечательный человек по имени Филипп Ау-реол Бомбаст фон Гогенгейм, известный как Теофраст Парацельс¹, родился в этом доме 10 ноября 1493 года. Будучи средневекового склада мышления и наделенный живым интересом к мирозданию, он, пожалуй, счел бы само собой разумеющимся, если бы мы, проявляя уважение к обычаям тех дней, бросили взгляд на положение солнца в миг его рождения. Тогда солнце находилось в знаке Скорпиона, а этот знак, согласно древней традиции, благоприятен для врачей, для людей, занимающихся ядоварением, и для целителей. Управитель² Скорпиона — гордый и воинственный Марс, дарящий сильным доблесть и мужество, а слабым награждающий сварливым

¹ Парацельс взял этот псевдоним в знак уважения к древнеримскому знатоку медицины Авлу Корнелию Цельсу. Paracelsus — букв. «приближенный к Цельсу» (*лат.*). — *Примеч. пер.*

² В астрологии управитель — планета-«хозяин» того или иного знака зодиака. Различают реального и символического управителей (или соуправителей). В данном случае автор не совсем корректен: правильнее говорить о Марсе как соуправителе, а основным управителем Скорпиона считается Плутон. — *Примеч. пер.*

и вспыльчивым нравом. Весь ход жизни Парацельса вполне соответствовал этим обстоятельствам его рождения.

² Опуская взоры долу, с неба на землю, на которой он был рожден, мы видим родительский дом в глубине уединенной и пустынной долины, над которой нависают мрачные леса и которая окружена суровыми могучими горами, что замыкают собой коварные склоны с изобилием оврагов и расщелин вокруг меланхолического Айнзидельна. Величественные пики Альп вздымаются угрожающе близко, и здесь мощь природы наглядно затмевает волю человека; живая и грозная, она повелевает и подчиняет, не предполагая сопротивления. Здесь природа заведомо сильнее человека, и никто не может от нее убежать: стылые воды, непоколебимые скалы, корявые деревья с торчащими среди камней корнями и отвесные утесы — все рождает в душе каждого местного жителя страсти, не поддающиеся искоренению, вселяет в сердца характерное швейцарское упрямство, твердость, прямопу и ту гордость за себя, которую можно истолковывать по-разному; в благоприятном ключе — как уверенность в себе, а в неблагоприятном — как угрюмое самодовольство. Некий француз однажды отметил: «Le Suisse est caractérisé par un noble esprit de liberte, mais aussi par une certaine froideur peu agreable»¹.

¹ «Швейцарец привержен благородному духу свободы, но также ему свойственна менее приятная отчужденность». (фр.). — *Примеч. ред.*

³ Отец-Солнце и Мать-Земля, похоже, больше причастны к становлению характера Парацельса, нежели его кровные родители. По отцовской линии, это нужно отметить, Парацельс был не швейцарцем, а швабом, приходился сыном Вильгельму Бомбасту, незаконнорожденному потомку Георга Бомбаста из Гогенгейма, великого магистра ордена рыцарей святого Иоанна¹. Рожденный под сенью Альп, на лоне более могущественной земли, которая, несмотря на упомянутое происхождение, сделала его своим отпрыском, Парацельс явился в мир с нравом швейцарца — в полном соответствии с тем неведомым законом топографии, что управляет человеческими судьбами.

⁴ Мать Парацельса была родом из Айнзидельна, больше о ней сказать нечего. Зато об отце, с другой стороны, известно многое, причем довольно отрицательного свойства. Он забрел в деревню как целитель — и поселился в этом отдаленном месте на пути паломников². Имел ли он право, рожденный вне брака, носить благородное имя своего отца? Можно лишь догадываться о тех чувствах, что обуревали внебрачного ребенка: одинокий, угрюмый, лишенный

¹ Имеется в виду немецкий «филиал» (бальяж) ордена, располагавшийся в маркграфстве Бранденбург. — *Примеч. пер.*

² Деревня находится поблизости от Айнзидельнского аббатства, которое с конца I тыс. н.э. является центром паломничества (там находится один из образов так называемой черной Мадонны). — *Примеч. пер.*

первородства, он наверняка вынашивал обиду на родину в уединении лесистой долины, но жадно внимал при этом, не переставая тосковать, паломникам с их рассказами о мире, к которому ему не суждено было вернуться... Светская жизнь и мирские удовольствия были у него, что называется, в крови, однако их пришлось похоронить. Смею сказать, ничто не воздействует сильнее в психическом выражении на окружающую человека среду, в особенности в детском возрасте, чем та жизнь, которую родители не сумели прожить. Словом, мы вправе допустить, что отец оказывал сильнейшее влияние на молодого Парацельса, а тот впоследствии стал вести себя совершенно иначе.

⁵ С отцом его связывала крепкая любовь — быть может, единственная настоящая любовь в его жизни. Только об отце он вспоминал с любовью. Столь верный и преданный сын всегда будет заглаживать вину своего отца. Отцовские смирение и тоска превратятся у такого сына во всепожирающее честолюбие. Отцовские же обида и неизбежное ощущение своей неполноценности сделают сына мстителем за унижение отца. Он поднимет меч против всякой власти и ринется сражаться со всем, притязающим на *potestas patris*¹, как если бы то был противник его отца. Утраченное отцом, то, от чего пришлось отказаться, — успех, славу, привольную жизнь в боль-

¹ Отцовскую власть (лат.). — Примеч. ред.

шом мире, — сыну предстоит отвоевывать заново. По трагическому закону судьбы, он и сам будет вынужден рассориться со своими друзьями, поскольку к тому понуждает роковая привязанность к единственному настоящему другу — отцу, ведь душевная эндогамия сопряжена с тяжкими наказаниями.

⁶ Как часто бывает, природа скверно подготовила Парацельса к такому поприщу. Ни намек на героический облик, достойный бунтаря; рост всего около полутора метров, нездоровая одутловатость, слишком короткая верхняя губа, едва прикрывающая зубы (нередкий отличительный признак нервических натур), и почти женственный костяк, столь поразивший всех очевидцев, когда в девятнадцатом столетии его останки эксгумировали в Зальцбурге¹. В одном предании даже утверждается, что он был евнухом, хотя, насколько мне известно, никаких подтверждений этому не имеется. Так или иначе, романтические чувства, по-видимому, никогда не вплели свои розы в его земную жизнь, и он не нуждался в их шипах, так как и без того сизмальства отличался колючим норовом.

¹ Эксгумацию провели в 1812 г., причем выяснилось, что Парацельса, судя по трещине в черепе, насильственно лишили жизни. — Примеч. пер. Парацельс скончался 24 сентября 1541 г. в Зальцбурге, где его и похоронили на кладбище при богадельне Св. Себастьяна, как пишет Якоби в комментариях к изданию избранных сочинений Парацельса. — Примеч. ред. оригинального издания.

⁷ Едва достигнув возраста, в котором полагалось братья за оружие, этот маленький человек пристегнул к поясу меч — тот был для него слишком велик, но он редко позволял себе расстаться с этим мечом, ибо в шаровидном навершии прятал пилюли с лауданумом, свой истинный секрет. В таком вот виде — наверняка вызывая усмешки — он отправился покорять мир; удивительные и опасные путешествия заводили его то в Германию, то во Францию, то в Италию, то в Нижние земли¹, то в Данию, то в Швецию и Россию. Экцентричный чудотворец, можно сказать, второй Аполлоний Тианский², он, как гласят легенды, странствовал по Африке и Азии, где раскрывал величайшие тайны. Он не посещал регулярных занятий, так как подчинение любому авторитету было для него табу. Этот человек сделал себя сам (*selfmade*), он придумал для себя удачный девиз «*Alterius non sit, qui sibi esse potest*»³, меткое и подходящее для швейцарца выражение. Обо всем, что выпадало на долю Парацельса в его бесконечных странствиях, нам остается лишь

¹ То есть в историческую область в нижнем течении и в дельтах рек Рейн, Шельда и Маас. Эта область охватывала территорию, соответствующую современным Бельгии, Нидерландам, Люксембургу и (частично) северной Франции. — *Примеч. пер.*

² Древнегреческий философ, мистик и чародей; о нем и чудесах, которые он творил, уже в древности слагались многочисленные легенды. — *Примеч. пер.*

³ «Не должен принадлежать другому тот, кто может принадлежать себе» (*лат.*). — *Примеч. ред.*

догадываться, но вовсе не исключено, что эти события беспрестанно воспроизводили историю, случившуюся в Базеле. В 1525 году, уже прославившись как врач, он прибыл в Базель по призыву городского совета, причем последний проявил в этом случае редкое здравомыслие (подобное происходит порой в ходе истории рода людского, о чем говорит и назначение молодого Ницше¹). Вообще призвание Парацельса состоялось при достаточно малоприятных обстоятельствах, ибо Европа в ту пору страдала от беспрецедентной эпидемии сифилиса, разразившейся после Неаполитанской кампании². Парацельс занял должность городского врача, но вел себя неподобающе, по мнению местного университета и почтительной поначалу публики. Ученых он возмутил тем, что читал свои лекции на «языке конюхов и поварят», то есть на немецком³, а публика негодовала на то, что он расхаживает по улицам не в мантии, как это полагалось ему по статусу, а в рабочей куртке. Среди коллег он считался самым ненавистным человеком в Базеле, а его медицинские трактаты беспощадно крити-

¹ В возрасте 24 лет Ницше, который еще не закончил обучение в университете, пригласили на должность профессора классической филологии в Базельский университет. — *Примеч. пер.*

² Эпизод Второй итальянской войны (1499–1504), совместное нападение французов и испанцев на Неаполитанское королевство. — *Примеч. пер.*

³ То есть не на благородной латыни, как полагалось уважающим себя и общество ученым мужам. — *Примеч. пер.*

ковались. Он был известен как «бешеный бык» и как «дикий осел из Айнзидельна». Парацельс расплатился с недругами сполна, извергая на них потоки непристойной брани (увы, поистине при-скорбное зрелище).

⁸ В Базеле судьба нанесла удар, немало омрачивший его жизнь: он потерял друга и любимого ученика, гуманиста Иоганна Опорина¹, который подло предал учителя и снабдил его врагов новым оружием. Впоследствии Опорин пожалел об этом своем поступке, но было уже поздно и ущерб не поддавался исправлению. Впрочем, все это несколько не смягчило высокомерия и непокорности Парацельса; напротив, из-за предательства ученика он стал вести себя еще строже. Вскоре он вновь отправился странствовать и в путешествиях жил преимущественно бедно, нередко опускаясь до нищенства.

⁹ Когда ему исполнилось тридцать восемь лет, случилась характерная перемена, отразившаяся и на его сочинениях, в числе которых, наряду с медицинскими трактатами, стали появляться философские. Быть может, слово «философский» не вполне передает суть этих духовных сочинений; правильнее называть их «гностическими». Вообще, подобная примечательная психическая перемена обыкновенно происходит

¹ Швейцарский ученый, книжник и печатник; среди прочего опубликовал первый перевод Корана на латынь и фундаментальный медицинский труд Везалия «О строении человеческого тела». — *Примеч. пер.*

после прохождения середины жизненного пути, ее можно описать как обращение психического потока вспять. Лишь изредка такое подспудное изменение направления чувств проявляется на поверхности, для большинства людей оно, как и все прочие важные события в жизни, остается за порогом осознания. У могучих же умов оно предстает в форме преобразования интеллектуальной рассудительности в своего рода спекулятивную, или интуитивную, духовность, как было, например, с Ньютоном, Сведенборгом¹ и Ницше. У самого Парацельса напряжение между противоположностями духа было не столь выраженным, но все же достаточно заметным.

¹⁰ Теперь, когда мы кратко описали внешние условия и перипетии его личной жизни, настала пора обратиться к Парацельсу как к человеку духовному, и тут мы вступаем в мир идей, будто бы необычайно темный и загадочный для наших современников, которые в целом не обладают специфическими знаниями о позднесредневековых умонастроениях. Прежде всего Парацельс, хотя и высоко ценил Лютера, умер добрым католиком — поистине диковинное противоречие его языческой философии. Вряд ли следует думать, что католицизм был для него всего-навсего стилем жизни. Полагаю, верои-

¹ Э. Сведенборг — шведский естествоиспытатель, натурфилософ и христианский мистик, утверждал, что вступал в мысленные контакты с жителями других планет. — *Примеч. пер.*